

Границы памяти в городах с короткой историей

Н. В. Веселкова, Е. В. Прямикова, М. Н. Вандышев. Места памяти в молодых городах. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2016. — 394 с. ISBN 978-5-7996-1848-3.

*Виктория Семенова**

Парадокс и игра слов в названии книги, игра понятий новое/молодое и старое/память неизбежно сразу привлекают внимание и заставляют задуматься о возможных конфигурациях и взаимоотношениях этих составляющих, рассмотренных в едином пространстве городской среды. Кажущаяся дихотомия старое/новое на самом деле в рамках городского пространства предстает как некий континуум, когда некогда «юное» постепенно переходит в состояние «старого» и уже предстает как достояние памяти. Достаточно вспомнить об известном парижском Новом мосте, который теперь считается одним из символов старейшей исторической части города, а некогда, глазами современников, наверняка виделся как инновация, потому и символически был отмечен таковым в названии.

В данном случае в монографии речь идет о четырех молодых моногородах уральского региона (Заречный (1955, год придания статуса города), Лесной (1954 г.), Краснотурьинск (1944 г.) и Качканар (1957 г.)), которые появились на карте в период позднего (военного и послевоенного) индустриального строительства, фактически на «голом» месте вокруг возводимых промышленных объектов, они и стали кейсами исследовательского интереса авторов монографии. Теперь уже эти, некогда «молодые» города, могут быть отнесены к разряду объектов с историей и, к тому же, с непростой историей, поскольку сейчас эти, когда-то интенсивно развивавшиеся на волне «советского» энтузиазма, монопоселения находятся в достаточно сложном состоянии упадка вследствие кризиса основного градообразующего предприятия. За несколько десятилетий своего существования основное население городов из первого поколения мигрантов как «экстремалов» — «первопроходцев», «участников великого проекта», а также подневольных трудармейцев, осваивающих новую «голую» территорию, превратилось уже во второе или даже третье поколение «коренных» жителей, в ходе первичной социализации выстраивающихся в уже отлаженный быт и нормы жизни малого индустриального города.

Книга состоит из трех разделов, имеющих внутри по несколько глав. Первый из разделов посвящен методологическому подходу изучения мест памяти в малых городах, второй раздел — ПРОШЛОМУ молодых городов и советскому официальному дискурсу того времени и третий раздел — НАСТОЯЩЕМУ, в котором, по словам авторов, «импульсы прошлого выступают на вторых ролях» (с. 6). Коллективное авторство каждого

* Семенова Виктория, доктор социологических наук, главный научный сотрудник ИС РАН, профессор социологического факультета ГАУГН. victoria-sem@yandex.ru.

раздела монографии позволяет ее рассматривать в целом как результат коллективного труда всех трех авторов: Н. В. Веселковой, Е. В. Прямиковой, М. Н. Вандышева, которые и в предыдущих своих публикациях презентировали себя как единый авторский коллектив (Веселкова, Прямикова, Вандышев, 2016).

В предисловии к монографии сказано, что точкой отсчета в изложении результатов стала концепция «мест памяти» П. Нора, а в центре интересов авторов — описание и понимание, «какими смыслами наполнен опыт молодого города». При этом авторы в своем исследовании задавались вопросом: что сохранилось от этой истории после всех трансформаций постсоветского периода? Насколько героика и романтика прошлого значимы для жителей в настоящем? Здесь же указано, что одним из основных выводов монографии стало заключение, что «городов без истории не бывает». «У молодых городов своя история — героическая, основанная на мощи и патетике грандиозных преобразований эпохи социализма» (с. 7).

Первый раздел книги содержит богатую информацию по истории и мировому опыту созидания новых городов как опыта социального экспериментирования и конструирования новых форм социальной жизни (с. 22). Подход к проблематике отталкивается от первичного рассмотрения городского пространства в понятиях повседневности М. Серто, который указывает, что с точки зрения акторов город воспринимается как карта, которая требует резких движений и значительной активации усилий (с. 13) и которая формируется в процессе его освоения. В городе обычно у каждого есть любимые, значимые места: у кого-то это городской пляж, а у кого-то — кафе или парк аттракционов. Не все места в городе являются одинаково притягательными, не ко всем местам привязываются горожане» (с. 14).

Продолжая эту линию рассуждений о притягательности отдельных точек в пространстве города, с привлечением аргументации Дж. Урри, авторы утверждают, что «Урри указывает на то, что такие места, как театры, национальные галереи и пр., тесно связаны с конструированием национальной идентичности и обретением статуса полноценной нации. Мы же утверждаем, что места в городе тесно связаны с конструированием сообщества горожан» (с. 16). Настаивая на эмоциональных элементах притяжения, здесь мы скорее выходим на идею идентификации сообщества и коммуникативной памяти современных жителей городов, чем собственно память. Приведенные конкретные примеры «мест притяжения» подтверждают это: вертолетная площадка в Качканаре, парк аттракционов в Лесном или бульвар Алещенкова в Заречном, которые трудно напрямую соотносить с каким-либо историческим контекстом.

Таким образом, общий подход к местам памяти, заявленный авторами в начале книги, отталкивается, скорее, от урбанистики и строится в пространстве современной повседневности: по линии пространство города — освоение городского пространства — ментальные карты притяжения — идентификация.

С другой стороны, в монографии есть и другой, возможно, более интригующий и более перспективный, на наш взгляд, заход, формулируемый в терминах «мест памяти».

В данном случае интерес представляет методологический «заход» на рассмотрение города как целостного кейса в понятиях «места» памяти по П. Нора. Хотя исследователи не фокусируют своего внимания именно на этом аспекте (Глава 1 озаглавлена «Теоретические основания исследования мест памяти в малых городах»), но в данном случае представляется оригинальным рассмотрение **самого молодого индустриального города как «места памяти»** в рамках национальной памяти и с точки зрения национального дискурса индустриализации советского типа. Такой подход, с нашей точки зрения, более соответствует более объемному понятию «узлы памяти» (как французский перевод «les lieux de memoire» П. Нора (Нора, 1999), чем просто пространственные «сгустки» меморизаторской активности (Truc, 2011).

Авторский подход «город как место памяти» выводит нас на специфику и уникальность данных городов как объектов изучения в контексте соотношения национальной-локальной памяти, о чем авторы рассуждают в дальнейшем — Глава 5 из Раздела 3.

Рассмотрение города как места памяти выводит на несколько интригующих сюжетов в проблематике памяти. Во-первых, это проблема национальной специфики в отношении и переосмыслении прошлого в процессе социальных преобразований. Здесь на примере молодых городов она представлена как типично советская идеология «обнуления» прошлого, переброшенная в пространство городского строительства. В городском пространстве, как верно отмечают исследователи, этот официальный дискурс соответствовал идее «обнуления» и началу грандиозного строительства «с чистого листа» во имя «покорения» и «преобразования»: дискурс преобразования, покорение природы стал одним из важнейших элементов раннесоветской героики преобразований (с. 92).

И в данном случае малые моногорода как «уральские» тоже музеифицируют данный дискурс национального «прошлого» своим специфическим образом. Этот общий культурный феномен российской истории ярко проявляется в региональном контексте уральских городов или шире, как его назвал М. Рожанский, в контексте «сибирской памяти», связанной с освоением новых географических пространств: «Еще Василий Ключевский писал о русском обычае «начать все сначала», объясняя им то, что история России — периодические рывки, полные презрения к прошлому. Он связывает данную социокультурную особенность с экстенсивным характером развития этноса, то есть с тем, что основным способом решения проблем является освоение новых ресурсов и, прежде всего, нового пространства. Для человека, живущего в России, перемещение — не просто средство изменения жизни. Уход от неразрешимых проблем к неизвестным трудностям — едва ли не единственная радикальная возможность преодолеть социальную детерминированность индивидуальной жизни. Изменения «на месте» предполагают культуру компромисса — как с непосредственным окружением, так и с ушедшими поколениями, невозможность разрывать отношения с предками. Иначе шел процесс формирования русского (или российского) этноса и едва ли не самым существенным фактором этого процесса было наличие пространства, куда можно было уйти человеку или «уйти человека» — люди пытались уйти от трудностей тупиковых к иным, казавшимся преодолимыми, либо забрасывались за Урал и на Юг властью как для решения экономических задач, так и для того, чтобы трудностей не создавали» (Рожанский, 2014, с. 5). К тому же пространство в восточных регионах и в Сибири обладает особыми свойствами, связанными с географическими особенностями региона, и потому обладает особым символическим значением и характеристиками (покорение пространства, преобразование дикой природы, завоевание, заселение пространства). Следуя этому подходу, поиск новых мест как стратегии бескомпромиссного отрицания прошлого стал первичной культурной идеей, заложенной в возведение новых городов в ходе советской индустриализации, и предопределил их специфику как объекта памяти, как «освоение» не только новых «физических» (географических), но и духовных пространств.

Во-вторых, подход «город как место памяти» выводит на проблематику многослойности и относительности исторических рамок памяти. Ведь города, возникшие якобы на «голом» месте, фактически являли собой попытку начисто отринуть любую память о предшествующих пластах меморизации или, по крайней мере, ограничить рамки рассмотрения прошлого моментом исторического начала некоей новой эпохи, некоего нового мифа «сотворения мира» с чистого листа. Как верно отмечают авторы монографии в дальнейших своих рассуждениях, ссылаясь на работы П. Рикера в интерпретации С. Зенкина, возникновение принципиально новых, социалистических городов является разновидностью «великих событий спасения» (Зенкин, 2014, цит. по монографии, с. 76).

Советский культурный код «созидания» отграничивал себя от прошлого «ясно выраженной точкой начала, где все начинается заново и как бы на пустом месте. Все, что было до этой точки, однородно, оно обобщается негативным отношением к себе» (Паперный, 2011, цит. по монографии, с. 84).

Однако, как понимаем мы уже в конце книги, эта идея «голового» места — тоже очередной исторический миф. В самом последнем параграфе книги (параграф 7.5) на примере сюжета о городских кладбищах возникает показательная дискуссия о многослойности памяти. Ведь если расширить рамки «короткой» памяти советского периода до более отдаленных исторических координат, то оказывается, что постулат «голового» места искусственно сконструирован: подобные города зачастую строились на кладбищах, «на костях» тех, кто был первостроителем или отбывал ссылку в этих краях в периоды «до» возведения грандиозных предприятий и строительства плотин. Сюжет «многослойности» памяти обыгрывается на примере г. Лесного и г. Краснотурьинска, где в пространство современной городской застройки попали старые кладбища, где похоронены предки ныне живущих горожан. Они тоже представляют собой пространство памяти, но более «долгой» памяти (с. 357–358). Оказывается, что «короткая» история города имела свою *пред-*историю и свои взаимоотношения между «советским» и «досоветским» периодами. Эти значимые места в пространстве памяти представлены старыми кладбищами, которые вносят новые акценты в память города и усиливают символику их историчности: «По числу кладбищ небольшой и молодой еще город Лесной вполне может поспорить с городами куда постарше. Да и количество отдельных захоронений в нем на единицу площади — с учетом погребенных заключенных, строивших город, пожалуй, тоже довольно велико...» (Карякина, 2010, с. 18, цит. по монографии, с. 358).

Еще один аспект, который интересен с точки зрения «города как места памяти», — это актуальная, современная борьба отдельных идеологий и интересов в «настоящем» за присвоение прошлого, за приоритеты в «удержании» памяти. В данном случае это Краснотурьинск, где идет борьба за «культурные коды» центра города: рекреационная зона или память о том, что город «построен на костях». Это борьба между руководством города в лице мэра и населением (или, скорей, частными предпринимателями) в восприятии относительно более глубоких исторических рамок памяти «молодого» города: вопрос о возможностях застройки развлекательного типа «на костях своих предков» (с. 357–358). Как говорит мэр Краснотурьинска: «Представители старшего поколения краснотурьинцев еще хорошо помнят, что раньше на этом месте располагалось поселковое кладбище. Потому и уместно здесь было возвести монументы в память о наших земляках, погибших при исполнении воинского долга в разных войнах, и Малый Храм Иоанна Богослова, покровителя Турьинских рудников¹.

Это форма символической борьбы различных идеологий и мнений, связанных с разными социальными целями и интересами отдельных участников и дебатов вокруг них в период резкой социальной трансформации общества.

Итак, в данном случае город целиком представляет собой сгусток культурного и политического наследия, служит отражением национальной истории, запечатленной в коллективной ментальности сообществ.

В монографии дискурс «город как место памяти» изучается на основании официальных документов относительно истории создания и освоения городского пространства в исторический момент его официального создания и освоения руками первостроителей в понятиях дискурса преобразования (Раздел 2. Прошлое: молодые города, дискурс преобразования). Отсюда язык новизны, юности, «молодежности», преобразования

¹ Мэр Краснотурьинска: «На городской площади аттракционам не место» // Вечерний Краснотурьинск. 2014. 6 июня. URL: <http://krasnoturinsk.info/mer-krasnoturinska-na-gorodskoj-ploshhadi-attrakcionam-ne-mesto/#hcq=34MoV7q> (дата обращения: 20.01.2017).

нового на «голом» месте, покорения/преобразования природы, пропагандируемой лексикой оптимизма и героизма первостроителей.

Если продолжить придерживаться подхода «город как место памяти», то фактически Раздел 3. монографии представляет собой описание процесса разрушения первоначальных смыслов или культа исторического смысла стройки. Возможно, это закономерный процесс, так считает М. Рожанский: «формирование пространства памяти в молодых городах всегда начиналось с культа исторического смысла стройки — памятных знаков, наименования улиц в честь первостроителей и первого руководителя градообразующего предприятия. Но первоначальная значимость этих мест памяти о историческом смысле стройки как оправдании жизненного выбора и жизненных лишений сохраняется не более, чем для двух поколений — приехавшего на стройку и первого выросшего в новом городе, а разрушение советской системы резко ускорило девальвацию этого символического капитала» (Рожанский, 2014). Поэтому весьма знаменательно, что собственно меморизаторских «следов» локальной памяти (как локальных музеев, монументов и т. д.) в новых городах исследователями зафиксировано относительно мало, возможно, действительно их растворение в городской среде обусловлено сломом советской эпохи, знаковыми символами которых и стали эти города. В «каталогизации» городских мест памяти присутствуют места производства, места культуры, здравоохранения, спорта, места торговли и общепита, особые районы города (престижные и не очень), о чем в целом идет речь в Главе 6 и Главе 7. Вместе с тем здесь надо отметить интересную инновационную методическую схему анализа — мобильные интервью (методика go-along). Инновационная стратегия «мобильных интервью» (go-along) понимается как прогулка или поездка по городу, во время которой информант сам определяет маршрут, «активирует» городское пространство, что не равноценно простому перечислению особенностей города в ситуации стационарного интервью» (с. 69). «Мобильный метод — едва ли не единственная возможность понять сложность восприятия городского пространства даже в ситуации малого города. Сочетание желания как можно лучше продемонстрировать свой город и сюжетов, связанных с особенностями личного опыта проживания в данном городе, позволяет получить особый результат — выделение мест памяти, коллективно обозначенных и лично присвоенных. Городское пространство видится как пронизанное токами субъективного восприятия, представляется многомерным, неким ансамблем когнитивного и чувственного. Высвечивается особая оптика города, подчеркиваются акценты, начиная с признания и подтверждения индустриальной сущности и заканчивая все больше и больше проявляющимися акцентами на комфортабельности данного пространства, подчеркивании экологических, художественных особенностей» (с. 69–70). Go-along интервью представляет культурные коды города не только посредством вербальных конструкций участников исследования, но через их визуальные конструкции: фотографии участников исследования, «картинки» с места событий, нарисованные ими ментальные карты. С этой точки зрения городское пространство как объект изучения является благодатным полем: оно создает возможности для многогранного, многоаспектного рассмотрения пространственных связей в единстве публичного и приватного.

Тем не менее, судя по описанным результатам исследования, в данных городах почти полностью (за исключением отдельных случаев) отсутствуют собственно «сгустки» специфически-локальной пространственной памяти в виде маркировки «прошлого» как памятных мест типа: памятники, наименования, юбилеи, праздники, музеи, кладбища, а скорее эмоционально-окрашенные мироощущения о былом: советскости и молодости, романтике, энтузиазме, времени быстрых перемен. А возможно, это эффект презентации города для глаза «внешнего» интервьюера («приезжий исследователь»)?

Здесь возможна и иная интерпретация. Возможно, современная ситуация напрямую связана с эмоциональным состоянием данных городов, которое достаточно глубоко проанализировано в монографии как динамика от героического оптимизма первого поколения переселенцев к коллективному дискурсу упадка и пессимизма: «Несмотря на ярко выраженный почти во всех интервью локальный патриотизм, большая “доза советскости” в молодых городах предопределяет значимость темы упадка. Отмеченные кодом смерти места контрастируют, на наш взгляд, не столько с несущими код жизни современными местами, сколько в сравнении со сверхоптимистическим зарядом (ранне)советского дискурса молодых городов» (с. 286). Сегодня эти новые города, те самые, что когда-то не сходили со страниц газет, называют местами остывшего энтузиазма (с. 102). Проблематика эмоциональных аспектов памяти, которая обычно выстраивается по линии смены направления эмоций и эмоциональной окраски: от восхваления/гордости до стыда/ненависти, здесь представлена в ином ракурсе — охлаждение эмоций, умирание эмоционального накала от энтузиазма к равнодушию.

Последние главы монографии и посвящены противопоставлению официального/обыденно-субъективного дискурсов. В монографии существенно больше уделено внимания коллективной памяти ныне живущих, уже коренных жителей данных городов и, соответственно, другому ракурсу меморизации, который по Хальбваксу характеризуется как коммуникативная память. А Алейда Ассман различает *места памяти* и *памятные места*, где последнее — «*памятное место*» — обозначает «место, значимое для индивидуальной биографии» (Ассман, 2014, с. 236), или конкретное пространство, освоенное человеком и ставшее тем самым компонентом его биографии (Ассман, 2014, с. 237–238). Такая память, связанная с памятным местом, становится частью человеческих судеб, с их переживаниями, воспоминаниями, которые проецируются посредством памятников. *Место памяти* и *памятное место* функционируют на разных уровнях в *публичной сфере*, где вырабатываются общественно-разделяемые смыслы и закрепляются нормативные образцы коммуникации.

Символическая память города как мозаика складывается из топонимии (символически важным для становления локальной идентичности г. Лесного стал переход от цифровой топонимии — 9-я, 10-я улицы — к языку содержательных названий), языка архитектуры, значимых исторических фигур, освящающих городское пространство.

В данном случае авторы современные символические коды городов рассматривают на примере двух фигур. Для Краснотурынска такой значимой символической фигурой стала фигура рожденного здесь изобретателя радио А. С. Попова (В свое время Туринские рудники предлагалось назвать в честь изобретателя радио Поповском, но в годы советского атеизма название вызвало опасения у местного горкома КПСС), к его имени и символической значимости для города земляки апеллировали в моменты прагматической зависимости от центральной власти и попытки выбить дополнительные льготы. А для г. Лесного — это оставшийся стоять на центральном месте памятник Ленину, который продолжает выполнять «ворох социальных функций, в том числе функцию централизованного социального контроля, которую одна из информанток (учительница) очень метко определила: “Ленин видит все”» (с. 342) (По аналогии: Большой брат видит все, всегда наблюдает, локус вертикального контроля).

Как уже говорилось, проблематика современных собственно «мест памяти в молодом городе» как исследование мест, связанных с дискурсивно-материальными следами «прошлого» или отдельных событий в прошлом, таких как мемориалы, памятники, музеи, кладбища, непосредственно возникает только в конце, в Разделе 7.5 (с. 340–355).

Респондентами упоминаются только отдельные единичные вкрапления памяти о героике первостроителей в современное пространство «молодых городов». Таков единичный пример: «Слева от ДК в 2006 г. был установлен памятный камень в честь

первостроителей БАЭС и Заречного, привносящий в данное пространство смыслы собственно города и его основного предприятия» (с. 297). Другой пример: памятник «качанарцам, погибшим при исполнении воинской службы», где празднуется День Победы и происходит шествие со свечами, сюда же приезжают молодожены (с. 342). Хотя, если учесть, что город получил статус города в 1957 г., тогда кого конкретно понимали создатели памятника под аморфной фразой «погибшие при исполнении службы»? Понятно, что, как выразился один из респондентов, «военные мемориалы в городе — это святое» (с. 346), но он же добавляет по поводу установленного старого танка ласковое: «танчик, по которому лазают дети». Из трех примеров последние два пространственные «места памяти» мало что добавляют к собственно истории и памяти данного локального контекста памяти, хотя достаточно показательно характеризуют современный дискурс жителей города и их субъективное пространство памяти. Скорее, они пунктирно характеризуют значимость связи с «большой землей» и «большой историей», чем диалоги с локальной предысторией или локально-значимые символы того пространства, на котором город возник. В этом отношении неудивительно, что авторы приходят к выводу, что дискурсы «новых советских городов» — объединяют эти города или, в терминах Ж. Бодриера, создают единые схемы социального и культурного кодирования. Хотя, с другой стороны, социальная память и своя история — уникальны, и социальная память могла бы их индивидуализировать.

Литература

Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Веселкова Н. В., Прямикова Е. В., Вандышев М. Н. Дискурс природы в молодых городах // Социологическое обозрение. 2016. № 1 (15). С. 112–121.

Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / Под ред. П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. С. 17–50.

Паперный В. Культура Два. М: Новое литературное обозрение, 2011.

Рожанский М. Сибирь как пространство памяти. Иркутск: Оттиск, 2014.

Truc G. Memory of Places and Places of Memory: For a Halbwachsian Socio-Ethnography of Collective Memory // International Social Science Journal. 2011. № 62. P. 147–159.